

Глеб Шумяков

ОПАСНЫЙ СОСЕД

Из книги «Батюшков не болен»

В году Василий Львович Пушкин был на виду и на слуху у всей литературной Москвы. Среди тех, кому искренне, хотя и не без иронии, симпатизировал Батюшков, Пушкин мог бы сполна выразить всю «московскость» литературы предвоенного времени. Человек-персонаж, он с естественной легкостью нарушал границы между литературой и жизнью, дополняя собственным колоритным образом — и свою поэзию, и свою жизнь. Это смешение чернил и крови было в то время атрибутом литературной светскости и помогало чисто по-московски подстроиться под обстоятельства, особенно трудные из-за антианглийских санкций и общего падения российской экономики. Знал Василий Львович и лучшие времена. Бывший на приемах у Наполеона, бравший уроки декламации у легендарного Тальма — Пушкин уже одним этим привлекал внимание к собственным, не более чем средним стихотворным сочинениям. Вернувшись из Франции, он одевался и причесывался по последней моде, и даже разрешал дамам обнюхивать его модно напомаженные волосы. Искренность, с какой он уверовал в «карамзинизм» и «чувствительность», и раж, с которым их проповедовал — раблезианство во всех областях от застолья до брачных чертогов, — и странное «семейное положение» (Василий Львович развелся с женой и открыто сожительствовал с дворовой девкой) скрашивали и его нелепый вид, и его плохо скрытое самолюбование. «Рыхлое, толстеющее туловище на жидких ногах, — вспоминал о Пушкине Вигель, — косое брюхо, кривой нос, лицо треугольником, рот и подбородок а la Charles-Quint, а более всего редующие волосы не с большим в тридцать лет его старообразили. К тому же беззубие увлаживало разговор его, и друзья внимали ему хотя с удовольствием, но в некотором от него отдалении». «Вообще дурнота его, — добавляет Вигель, — не имела ничего отвратительного, а была только забавна». Весной 1811 года Пушкин

пустил в списках по читателям поэму «Опасный сосед», которая стала «бестселлером» того времени, хотя ни разу при жизни поэта и не печаталась. Батюшков сам шлет Гнедичу ее список — с просьбой обязательно прочесть Оленину («Об этом меня просил Пушкин»). «Вот стихи! — восклицает он. — Какая быстрота! Какое движение! И это написала вялая муза В<асилия> Л<ьвовича>!» Восторг Батюшкова понятен, в его собственных стихах смена планов не менее стремительна. Удивительно, что на подобных «скоростях» меняется и самый язык; быстрый сюжет ищет легкой речи, которая бежала бы и плавно, и ярко; от некоторых фраз Батюшков буквально в восторге («Панкратьевна, садись! — Целуй меня, Варюшка! / Дай пуншу! — Пей, дьячок! — и началась пирушка!») Поэма, чей сюжет хоть и низок, и вульгарен (неудачное посещение борделя) — привлекла Батюшкова тем, что лирический герой здесь почти сливается с самим сочинителем, и это та граница, где классицизм отступает перед наступающим романтизмом, правда, пока в сниженном виде. «Здесь остряки говорят, — пишет Гнедичу Батюшков, — что он исполнен своего предмета...» Однако дело не в том, что Василий Львович был обжора и слонялся по борделям — а в том, что едва ли не первым дерзнул выставить свои приключения в литературной форме, да еще напшиговал их отсылками и аллюзиями на «высоких» классиков. Летом 1811 года Василий Львович отправится в Петербург вместе с племянником — хлопотать об устройстве Александра в Лицей, и будет читать «Соседа» Денису Давыдову, выставив прежде племянника в другую комнату. Однако иголку в мешке не спрячешь; юный Александр Сергеевич был прекрасно знаком с «Опасным соседом» дядюшки и даже вывел его персонажа Буянова в «Евгении Онегине» («Мой брат двоюродный, Буянов», то есть сын дядюшки), — окончательно разрушив грань между реальностью и вымыслом.